

УДК 398.2(=512.156)

DOI 10.25587/SVFU.2023.18.61.010

А. С. Донгак, Б. Баярсайхан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики ТываОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИГР В ТУВИНСКИХ СКАЗКАХ
И ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Аннотация. Игровая культура тувинцев будучи частью традиционной культуры, формируется под влиянием окружающей среды – историко-культурной, социально-экономической и природно-климатических условий, в которых народ проживал и проживает по настоящее время и имеет свои неповторимые этнокультурные черты. В то же время многие тувинские игры обладают и общетипологическими чертами, схожими с играми соседних народов – монгольских (особенно западно-монгольских) и саяно-алтайских народов, с которыми тувинцы контактировали и генетически, и культурно в течение длительного исторического времени.

Наряду с другими распространенными в игровой культуре тувинцев играми, такими как шахматы (*шыдыраа*), игральные кости (*даалы*), разные интеллектуальные-считалки и скороговорки и т. д., тувинская игра «три игрища мужей» представляет собой непреходящее культурное наследие для кочевых народов. Поэтому актуальность изучения, сохранения и дальнейшая популяризация национальных игр, равно и других этнокультурных ценностей как родной язык, обычаи и обряды, фольклор, музыкальная культура, очевидна и продиктована глобальными вызовами современного мира (технично-технологическая революция, нивелирование и утрата духовной и материальной культуры и т. п.). Авторы в данной статье ставили своей целью установить древний генезис не только «трех игрищ мужей», но и других тувинских игр (шахматы, игральные кости и т. п.), опираясь на фольклорные источники. Материалом исследования выбраны тексты наиболее популярных эпических сказаний тувинцев – «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» и «Боралдай с конем Бора-Шокар». Использованы общенаучные, описательные, сравнительно-типологические методы исследования, а также метод сплошной выборки. В результате проведенного исследования установлено, что шахматы (*шыдыраа*), игральные кости (*даалы*), наряду со стрельбой из лука, борцовскими поединками и конными скачками были известны тувинцам с древнейших времен, о чем ярко свидетельствуют тексты эпических сказаний. Выявлено также, что в древности проводились и соревнования по бегу. В перспективе фольклорные источники могут послужить источником изучения и других ценных явлений национальной культуры.

Ключевые слова: игровая культура; традиционные тувинские игры; историография изучения; «три игрища мужей» (борьба, скачки, стрельба из лука); шахматы; игральные кости; *ойтулааш*; происхождение; отражение в фольклоре; тувинские эпические сказания; сказки.

ДОНГАК Антонина Саар-ооловна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия. ORCID ID 0000-0002-7717-1786.

E-mail: antdon@mail.ru

DONGAK Antonina Saar-oolovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Research, Folklore Sector, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia. ORCID 0000-0002-7717-1786.

E-mail: antdon@mail.ru

БАЯРСАЙХАН Бадарч – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия. ORCID ID 0000-0003-3962-1042.

E-mail: bayiraa@mail.ru

BAYARSAIKHAN Badarch – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Dictionary Research Group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia. ORCID ID 0000-0003-3962-1042.

E-mail: bayiraa@mail.ru

A. S. Dongak, B. Bayarsaikhan

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government
of the Republic of Tuva

Reflection of traditional games in Tuvan fairy tales and epic tales

Abstract. Tuvan game culture being a part of traditional culture is formed under the influence of the environment – historical, cultural, social and economic, natural-climatic conditions in which the people have lived and still live today and has its own unique ethno-cultural features. At the same time, many Tuvan games have general typological features similar to the games of neighboring peoples – Mongolian (especially Western Mongolian) and Sayan-Altaic peoples, with whom Tuvans have been in contact both genetically and culturally for a long historical time.

Along with other games widespread in Tuvan game culture, such as chess (*shydiraa*), dice (*daaly*), various intellectual counting and quick-talking games, etc., the Tuvan game “three men’s games” represents an enduring cultural heritage for nomadic peoples. Therefore, the relevance of studying, preserving and further popularizing national games, as well as other ethno-cultural values such as the native language, customs and rites, folklore, musical culture, is obvious and dictated by global challenges of the modern world (technical and technological revolution, leveling and loss of spiritual and material culture, etc.). The authors in this article aimed to establish the ancient genesis not only of the “three men’s games” but also of other Tuvan games (chess, dice, etc.) relying on folklore sources. The texts of the most popular Tuvan epic tales *Boktug-Kirish*, *Bora-Shelei* and *Boraldai with the horse Bora-Shokar* were chosen as the research material. General scientific, descriptive, comparative and typological methods of research as well as the method of continuous sampling were used. The conducted research established that chess (*shydiraa*), dice (*daaly*), archery, wrestling and horse races were known to Tuvans since ancient times, which is shown by the texts of epic legends. It is also revealed that in ancient times running competitions were also held. In the future, folklore sources may serve as a source for studying other valuable phenomena of the national culture.

Keywords: gaming culture; traditional Tuvan games; historiography of study; “three men’s games” (wrestling, horse racing, archery); chess; dice; *oytulaash*; origin; reflection in folklore; Tuvan epic tales; fairy tales.

Введение

Игра, являясь неразрывной частью хозяйственно-культурной деятельности человека, возникла еще на заре его исторического развития. Известно, что игра является своеобразным отражением историко-культурных явлений и событий, происходивших в общественно-политической жизни общества. Окружающая среда – историко-культурная, социально-экономическая и природно-климатические условия, в которых проживают конкретные сообщества людей – народы, народности и родоплеменные группы, способствовали формированию и развитию игровой культуры и придавали играм неповторимые этнокультурные черты.

Таким образом, игры как социально-экономическое, психолого-терапевтическое и педагогико-воспитательное явление представляют собой неразрывную часть традиционной культуры любого народа. В этой связи, тувинцы, как коренное население Саяно-Алтая, в своих играх сохранили характер и содержание своей хозяйственно-культурной деятельности и природно-географических условий проживания. Хотя тувинские игры имеют свои особенности, присущие лишь своему этносу, они, в то же время, обладают и общетипологическими чертами, схожими с играми соседних народов – монгольских (особенно западно-монгольских) и саяно-алтайских народов, с которыми тувинцы контактировали и генетически, и культурно в течение длительно-го исторического времени.

Тувинские игры (история изучения)

В целом, народные игры – тема малоисследованная в тувинской этнографии и фольклористике. На наш взгляд, изучение народных игр, смежная область между этнографическими и фольклористическими изысканиями. Впервые более детальное описание тувинских игровых

праздников и массовых народных игр сделал ученый-археолог и этнограф И. У. Самбу в своей книге «Тувинские народные игры» [1], где была дана история изучения тувинских народных игр дореволюционными русскими учеными и путешественниками – Ф. Я. Коном, Г. Е. Грум-Гржимайло, И. Т. Савенковым, Е. К. Яковлевым, М. Райковым, Д. Каррутерсом и др. И. У. Самбу же опубликовал монографию «Тыва оюннар» («Тувинские игры») на тувинском языке [2]. Исследователь верно отмечал, что «тувинские игры по своему “ассортименту” не уступают играм соседних и родственных народов Центральной, Средней Азии и Сибири. Нам удалось записать 40 самостоятельных тувинских игр и 20 их вариантов и разновидностей», – далее он ссылаясь на оставленные англичанином Д. Каррутерсом записи: «Как это непохоже на то, что писали исследователи XIX века о тувинцах, живущих “с подавленным настроением и меланхолическим темпераментом”» [3, с. 235–236; 1, с. 120].

О тувинских праздниках и связанных с ними играх писал и другой ученый Г. Н. Курбатский [4]. В советское время описание тувинских игр было дано также известными учеными-этнографами С. И. Вайнштейном, В. П. Дьяконовой [5, с. 123–125; 6, с. 113–129].

Массовые народные игры: «Три игрища мужей» в фольклорных источниках

Авторы в данной статье ставили своей целью установить древний генезис тувинских национальных игр, опираясь на фольклорные источники, поскольку именно в устном народном творчестве хранится память о трудном, порой и трагическом пути народа. В объемных по размеру, замечательных эпических произведениях – эпосе или богатырских сказках народ художественно воспевал былые времена. Он создавал легенды и предания и увлекательные рассказы, чтобы сохранить в памяти сведения и знания о людях с необычными способностями – борцах-силачах, кузнецах-мастерах, шаманах-прорицателях, лекарях, костоправах, ламах-мудрецах, певцах, исполнителях горлового пения-*хоомейжи*, стихотворцах-благопожелателях-*йорээлчи*, вызывателях погоды-*чатчы* и о многих других талантливых людях. Таким образом, образы борцов-богатырей, метких стрелков-лучников и быстроногих скакунов-иноходцев, побеждающих на борцовских поединках (*хуреше*), стрельбе из лука (*ча-согун адары*) и скачках (*аьт чарыжы*), запечатлевались в фольклоре народа с незапамятных времен.

В данной статье речь идет об играх, встречающихся в эпических сказаниях и сказках тувинцев. Примечательно, что и в сказках одной из распространенных игр являются традиционные «Три игрища мужчин» («Эрийн гурван наадам») – борьба, стрельба из лука и конные скачки, которые составляют центральный эпизод сюжетного повествования и, как самое любимое и массовое развлечение народа, из глубины веков дошло до наших дней.

Как пишут тувинские исследователи А. В. Хомушку и А. М. Монгуш, «кочевые народы Центральной Азии издревле проводили мужские состязания. В различных вариациях они включали в себя “три игрища мужчин” – борьбу, стрельбу из лука и скачки. Мужские игры были своего рода проверкой боеспособности войска, в ходе которой выявлялись самые сильные и искусные воины-борцы, меткие лучники и быстрые кони» [7, с. 538]. Они же ссылаются на монгольского исследователя Р. Нямдоржа, который отмечает, что «борьба как вид соперничества и игры возникла еще в период каменного века, примерно 20 тыс. лет назад. Изображения фигур двух борющихся людей на горе Жавхлант (возраст петроглифа около 6 тыс. лет), и рисунок на горе Дэл Хөнжлийн дают основание предположить, что борьба стала похожа на праздник-зрелище 3 тыс. лет назад» [8, с. 3–4], и далее, авторы верно заключают, что практика мериться силами между богатырями как вид спортивной борьбы у кочевников Центральной Азии бытовала еще в древности и средневековье [7, с. 536].

Говоря о стадиях историко-культурного развития, которые тувинский этнос прошел вместе с другими древними племенными союзами Центральной, Внутренней Азии и Саяно-Алтайского нагорья, известный тувинский историк Ю. Л. Аранчын отмечал, что недаром в фольклорных источниках «во время поединка-*адаан-моорей* перед схваткой со своим противником, герой-богатырь обязательно задавал ему традиционный вопрос: “ну, что, будем союзниками-опорой

друг для друга или же станем противниками-недоброжелателями?»» [9, с. 29]. Смысл этого выражения, отраженного в героическом эпосе народа, Ю. Л. Аранчин трактует как обычай, идущий из глубины веков, из тех времен, когда происходили процессы объединения различных народов и создавались союзы кочевых племен в первые государственные образования.

Другой тувинский исследователь В. К. Даржа, говоря о культовом смысле современного спортивного троеборья тувинцев – *наадыма*, писал: «Три вида спортивных соревнований представляли собой сложно переплетенный клубок функций, направленных на достижение различных целей: культовых, политических, социальных, военных, семейных, экологических и т. д. Сложно утверждать чего было больше в троеборье: идеологии, элементарного пиара (P.R. – public relations – общественные связи) или военно-спортивного содержания. По сути, в форме трех дисциплин игрищ проводилось отправление культов, посвященных Солнцу – борьба *хуреш*; Дереву (роду) – конные соревнования или бега Маралов; Медведю (судьбе человека) – стрельба из лука» [10, с. 167].

Также одним из самых древних и ярких явлений материальной культуры у этнических тувинцев и урянхайцев Монголии до настоящего времени является состязание *урянхайн сур харваа* – урянхайское искусство стрельбы из лука, которым с самых малых лет в совершенстве овладевает все мужское население. Стрельба из лука, как один из видов «трех игрищ мужей», также отражена в фольклорных произведениях. И очевидно, что искусство стрельбы из лука возникло на заре человечества, когда первобытные люди добывали себе пищу охотой.

О чрезвычайной популярности стрельбы из лука среди урянхайцев и тувинцев Монголии и в наше время, мы убедились во время полевой экспедиции в Ховд и Баян-Олгий аймаках¹ Монголии в 2015 г. Нами были записаны несколько вариантов устного рассказа о происхождении урянхайской стрельбы из лука. В одном из вариантов предания говорится о том, что искусство стрельбы из лука зародилось «в то время, когда урянхайские воины Чингисхана после окончания длительных походов в Западную Европу возвращались домой, мечтая о мирной и счастливой жизни. По дороге, чтобы давать отдых своим лошадям, и не скучать, воины состязались меж собой, стреляя из лука в круглые кожаные шарики, заплетенные из кожаных конских уздечек с расстояния, равного длине тридцати натянутых луков (сегодня это около 45 м)»².

Наряду с национальной борьбой (тув. *хуреш*, монг. *бөхийн барилдаан*), конскими скачками (тув. *аьт чарыжы*, монг. *морины уралдаан*), урянхайское искусство стрельбы из лука (тув. *ча адаары*, монг. *урянхайн сур харваа*) входит в «Три игрища мужей». «Три игрища мужей» – традиционные спортивные состязания, устраиваемые в Монголии и Туве во время летнего праздника скотоводов – *наадыма* (тув.) и *наадама* (монг.). Но следует отметить, что состязания по стрельбе из лука проводятся и в зимнее время, на льду.

Не случайно в центре сумона Монххайрхан Ховд аймака Монголии воздвигнут памятник урянхайскому луку: «Во времена маньчжурского ига, мы, если сказать, единственные, кто сохранил лук и стрелу. До сегодняшнего дня урянхайское искусство стрельбы из лука общепризнано и входит в число состязаний, проводимых на государственном уровне. Удивительно то, что данное искусство сохраняется у нас еще с 13 века»³.

Согласно историческим источникам, урянхайцы вместе с олётами и этническими тувинцами расселились в местности Ховд и предгорьях Алтайского хребта в середине XVIII в. Они считают себя потомками славных воинов Чингисхана, которых возглавлял знаменитый полководец Субедей-Багатур.

¹ Административно-территориальная единица Монголии.

² Информант Сүрэнгийн Бүрнээ, 1958 г. р., учитель музыки, поэт, писатель, уроженец арбана Цалмин, сумона Оорцог, Дархан бэйси хошууна алтайских урянхайцев, живет в сумоне Монххайрхан Ховд аймака, запись А. С. Донгак, Б. Баярсайхана от 21 июля 2015 г.

³ Информант Пүрэвдорж, из рода урянхай, уроженец сумона Монххайрхан Ховд аймака, работник культуры, живет в г. Ховд, запись А. С. Донгак, 20 июля 2015 г.

Эти игры упоминаются в богатырских сказках и эпических сказаниях почти всех кочевых народов.

Как пишет известный российский ученый-фольклорист, исследователь монгольского эпоса С. Ю. Неклюдов, «в определенном смысле монгольский эпос является «повествованием о сватовстве», описывающем выезд героя, его *сражения* и *выполнения заданий* для получения невесты» [11, с. 62]. Говоря о тематических группировках текстов монгольского эпоса, С. Ю. Неклюдов отмечает, что центральным в повествовании является мотив «*поездки героя за далекой невестой*» (курсив наш. – А. Д., Б. Б.). Здесь по замечанию ученого, в более архаичных вариантах эпоса – поездка героя за невестой сопровождается сражениями с противниками – различными демоническими существами, чудовищами-мангасами и т. д., а в более стадильно поздних вариантах эпоса, мотив *кровавой борьбы за нее* заменен *ритуализированными состязаниями* («*три игры мужей*») (курсив наш. – А. Д., Б. Б.) [11, с. 64]. Согласно каталогу эпических мотивов, составленного С. Ю. Неклюдовым из разных фольклорных источников, более обширно «Три игрища мужей» можно назвать брачными испытаниями или выполнением героем трудных брачных поручений, либо состязаниями по трем видам: борьбе, стрельбе из лука, скачкам.

В тувинских эпических сказаниях «Три игрища мужей» называют *адаан-моорей*. В сказаниях персонажи – эпические герои, отправляются в поход за невестой и, преодолевая по пути разные препятствия, чинимые им противниками. Одним из таких препятствий является участие героя в *адаан-моорей*, устроенном будущим тестем – отцом невесты, который является типичным антагонистом эпического героя. *Адаан-моорей* или брачные состязания обычно состоят из трех соревнований для соперников – стрельбы из лука, борьбы-хуреш и скачек.

Как известно, в тюрко-монгольских и др. эпических традициях, в различных повествовательных текстах (эпосе, сказках и др.) всегда можно выделить «сходные описания» или «типические места», поэтические формулы, характерные для эпической поэзии в целом, из которых и состоит повествование. Эти «типические места» особенно характерны для эпических сказаний и в традициях саяно-алтайских и тюрко-монгольских народов в целом, типологически схожи.

В тувинском сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей», дана развернутая картина *адаан-моорей*, выраженная в виде «типических мест», основанных на формульности. Так, женский персонаж, героическая сестра-спасительница Бора-Шэлей, чтобы спасти своего умершего брата богатыря Боктуг-Кириша, переделалась в его мужское платье и, приняв его облик, отправилась добывать дочерей Хун-Хана, Ай-хана и Дээр-Хана – трех *дангына* – невест для своего умершего брата, которые своими тремя трехцветными платками-опахалами могли бы оживить его [12, с. 327–328]. Когда Бора-Шэлей сидела и горевала-стенала по своему погибшему во время охоты брату, о *возможном его оживлении* ей поведали черная книжка-вещунья и пегие орел и орлица, вызвавшие ее в походе за этими спасительницами-дангына.

Как отмечает С. Ю. Неклюдов, мотив о *сокрытии или временном сокрытии* тела погибшего персонажа – заключение останков героя в скалу (раскрывающуюся в результате жертвоприношения) и нахождение их там вплоть до его воскрешения является одним из сюжетообразующих в монгольском эпосе [11, с. 70]. В данном случае, в тувинском сказании повествуется о том, как Бора-Шэлей отвезла тело брата к скале-утесу Энгиргея и сказала: «Утес-скала моя, откройся, положу своего единственного брата. Высокая скала моя, разделись, укрою моего умершего брата» [12, с. 326–329].

Далее героиня отправилась в путь и, прибыв к становищу-*аалу* отца одной из предполагаемых невест, выдав себя за одного из соперников-участников состязаний, решает участвовать в *адаан-моорей*, устроенном Шан-Ханом – отцом одной из невест [12, с. 140–144].

«Героиня Бора-Шэлей спрашивает у повстречавшегося по пути старика-пастуха: “Скажи-ка, дед, что за человек Шан-Хан, чем он занимается?”. Старик ей отвечает: “Через три дня

он устраивает адаан-моорей, в котором будут меряться силами десять лучшие из лучших богатырей с десяти сторон света, пятнадцать силачей из силачей, прибывшие с пятнадцати сторон света, соберутся, говорят”. “А в чем причина, из-за чего эти силачи будут соревноваться, дед?”. “Силачи во главе с Ай-Моге – сыном Ай-хана собираются, чтобы заполучить золотую дангыну – дочь Шан-хана, сын мой” – ответил старик» [12, с. 140–144]¹.

«Когда [Бора-Шэлей] поднялась на вершину Ала-тайги (Пестрой-тайги), то внизу виднелось что-то кишащее, похожее на черный караганник, но потом оказалось, что это было большое скопление людей. Везде города-поселения были разбросаны и не помещались в степи. Когда [Бора-Шэлей] стала пристально разглядывать, то это оказалось, что собралось столько много людей, что это было похоже на муравейник. “Что за состязания?” – когда спросила, то оказалось, что будут меряться в стрельбе из лука. Так девушка, выдав себя за плохонького парня путника-сиротинку, выпросила разрешения принять участие в состязаниях.

Бедная девушка, сидя в одиночестве на вершине горы, стала оттягивать тетиву своего лука. И если оттягивала тетиву с вечера, то оттягивала до самого утра, если с утра оттягивала тетиву, то оттягивала до самого вечера. И вот, наконец, девушка сказала: “наперсток, держащая рука моя, не дрогни, иголку держащая рука моя, не ошибись! Не я пускаю стрелу, а мой брат Бокту-Кириш выстрелил!” Так говоря-заговаривая, выпустила стрелу свою.

Так Бора-Шэлей, выиграв в состязаниях по стрельбе из лука, далее участвует в борьбе хуреш и опять побеждает, пройдя все испытания с легкостью, преодолев своих соперников. Третий вид состязаний – скачки и в них Бора-Шэлей выиграла спор при помощи своих тайных помощников, которые вместо нее бежали вокруг Земли три раза. Так Бора-Шэлей участвовала и победила в трех видах адаан-моорей, устроенных Ай-Хааном, Дээр-Ханом и Хун-Ханом и заполучила их дочерей – трех золотых дангына, которые и оживили ее брата Бокту-Кириша своими трехцветными платками-опахалами» [13, с. 127–217].

О тувинском героическом сказании «Боралдай с конем Бора-Шокар» («Бора-Шокар аъттыг Боралдай-Ашак») также можно сказать, что данное произведение может представлять собой своеобразный источник и по народным играм. Основное содержание сказания – описание жизни старика Боралдая и его семерых сыновей с рождения, этапов их взросления и возмужания, беззаботной старости, воспевание их подвигов, направленных против злых ханов-завоевателей и мифологических существ – *мангысов*. Повествование об их героических походах в далекие земли за золотыми *дангына* со множеством опасных препятствий и участием в различных состязаниях, включая стрельбу из лука, конные скачки и борьбу между разными богатырями. И в финале, после победы над противниками, благополучное возвращение семерых братьев и их воссоединение с родителями, женами, тестями, тещами, сватами на родной земле и всеобщем пире. Сюжетная структура сказания состоит из общеэпических сцен, эпизодов, мотивов (наречение именем героев и их коней, походы за невестами, участие в богатырских брачных состязаниях, их поединки с *шулбуса*ми и *мангысами*, победа над ними и т. д.).

В то же время в сказании обычаи, обряды и образ жизни народа отображаются более реалистичными на фоне обыденной кочевой жизни. В частности, в нем представлены и народные игры – эпические герои играют в шахматы (*шыдыраа*), игральные кости (*даалы*), рассказывают друг другу сказки, состязаются в мастерстве стрельбы из лука, скачках, беге и борьбе, пасут свой скот, охотятся и т. д. Также даны развернутые поэтические описания борцовского одеяния, внешнего вида, силы и мощи участников богатырского борцовского поединка и т. п.

Помимо вышеупомянутых игр, в сказании отражены и элементы другой народной игры. Так, например, когда один из семерых сыновей Боралдая женится на добытой через множество испытаний невесте, в повествовании даны не только развернутые описания свадебного пиршества, но и вкраплены *словесные парные состязания* между сватами – родителями жениха и

¹ Здесь и далее – перевод авторов.

невесты – шутки, приколы, песни, благопожелания в игровой форме, которые напоминают и некоторые элементы традиционной молодежной ролевой игры тувинцев – *ойтулааи*, которой забавлялись молодые парни и девушки.

Как отмечал И. У. Самбу, «*ойтулааи* – это общее название ночных игр, которые включали разные элементы: *чинчи чажырар* (спрятать бусинки), *аржыыл кагар* (игра в платок), *ак-ыаи* (белая палочка), *скачки на быках без седел* при лунном свете и т. д. [1, с. 20–21]. Во время *ойтулааи* «юноши и девушки поочередно пели песни в форме диалога» [14, с. 65]. По определению Н. Г. Курбатского, «*ойтулааи* – это ночные гуляния, тайные встречи, добрачные игры, любимое развлечение молодежи в старой Туве» [4, с. 33]. Во время *ойтулааи* молодые парни и девушки всю ночь пели песни-частушки, приглашая приглянувшуюся девушку или парня на свидание. Песни часто сочиняли на ходу и так развлекались, иногда всю ночь напролет, устраивая веселые скачки-догонялки с одного *аала* до другого.

В сказке «Шиди-дугээр бурган» – тувинском варианте памятника старомонгольской литературы в жанре «обрамленной повести» – повествовательного сборника «Шидиту-хуур» («Волшебный мертвец») также встречаются сюжетные эпизоды, связанные с игрой в шахматы (в частности, персонажи играют в шахматы с демонами-*шулбусами* и проводят *бычьи бега*, также соревнования *по бегу среди женщин*, что очень нехарактерно для местной кочевой культуры). Возможно, истоки этих игр следует искать в культуре Древней Индии, ведь произведение «Волшебный мертвец» («Веталапанчавиншати») наряду с такими памятниками старомонгольской литературы, как «Арджи-Борджи», «Бигармиджид», «Панчатантра», «Сказки попугая», в свою очередь, восходит к индо-тибетским повествовательным сборникам в так называемом жанре «обрамленной повести».

Заключение

В содержании большинства наиболее крупных и значительных произведений устного народного творчества – героических сказаний о богатырях, эпосе (зарождение которого относится к VI–VIII вв.), ярко отражаются не только идеи, взгляды, чаяния народа о счастливой жизни и свободном будущем, но и все своеобразие традиционной культуры тувинского кочевого общества, включая такие комплексы, как религиозно-мировоззренческие представления, хозяйственно-культурная деятельность и игровая культура, о чем наглядно продемонстрировало сюжетное повествование тувинских эпических сказаний «Бокту-Кириш, Бора-Шэлей» («Боктут-Кириш, Бора-Шэлей») и «Боралдай с конем Бора-Шокар».

Авторы также пришли к выводу, что игровая культура тувинцев имеет древние корни, и она зародилась еще на заре сложения разных родоплеменных групп в единый этнос, в то время, когда шло их объединение в ранние государственные союзы.

Литература

1. Самбу И. У. Тувинские народные игры. – Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1978. – 136 с.
2. Самбу И. У. Тыва оюннар. – Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1968. – 130 с. (На тувинском яз.)
3. Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. I. – Петроград : Переселен. упр. ГУЗ и З., 1914. – 26 с.
4. Курбатский Г. Н. Тувинские праздники. – Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1973. – 75 с.
5. Дьяконова В. П. Цам у тувинцев // Сборник МАЭ, т. XXVII. – Ленинград : Наука, 1971. – С. 113–129.
6. Вайнштейн С. И. Этнографическая экспедиция Тувинского музея в Юго-Восточную Туву // Советская этнография. – 1954. – № 2. – С. 123–125.
7. Хомушку А. В., Монгуш А. М. Образы соперников богатырей в борцовских поединках «хүреш» (на примере тувинских героических сказаний) // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства (Горно-Алтайск, 15–16 июля 2021 г.) / редколлегия : Н. В. Екеев и др. – Горно-Алтайск : Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2021. – С. 535–541.

8. Нямдорж Р. Совершенствование системы организации соревнований по монгольской борьбе на основе инновационных подходов : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2015. – 166 с.
9. Аранчын Ю. Л. Тыва улустун маадырлыг оруу (Героический путь тувинского народа). – Кызыл : Журналист, 2011. – 208 с. (На тувинском яз.)
10. Даржа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. – Кызыл : Правник, 2016. – 255 с.
11. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. – Москва : Индрик, 2019. – 590 с.
12. Тувинские героические сказания / составитель С. М. Орус-оол. – Новосибирск : Наука, 1997. – 584 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 12). (На тувинском и рус. яз.)
13. Бокту-Кириш, Бора-Шээлэй // Алдай-Буучу / составитель С. М. Орус-оол. – Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1993. – С. 127–217. (На тувинском яз.)
14. Донгак У. А. Жанровые разновидности песен цэнгэльских тувинцев // Цэнгэльские тувинцы. Фольклор и литература / ответственный редактор У. А. Донгак. – Новосибирск : Наука, 2020. – 152 с.

References

1. Sambu I. U. Tuvan folk games. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1978, 136 p. (In Rus.)
2. Sambu I. U. Tuvan games. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1968, 130 p. (In Tuvan)
3. Carruthers D. Undiscovered Mongolia. Vol. I. Petrograd, Resettlement. management of GUS and Z., 1914, 26 p. (In Rus.)
4. Kurbatsky G. N. Tuvan holidays. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1973, 75 p. (In Rus.)
5. Diakonova V. P. Tsam at Tuvinians. In: Collection of MAE, vol. XXVII. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 113–129. (In Rus.)
6. Weinstein S. I. Ethnographic expedition of Tuva museum in Southeast Tuva. *Soviet ethnography*. 1954, no. 2, pp. 123–125. (In Rus.)
7. Khomushku A. V., Mongush A. M. Images of bogatyr's rivals in wrestlers' duels "khuresh" (on the example of Tuvan heroic legends). In: Peoples of Altai in socio-cultural space of Russia at the turn of epochs: collection of papers of All-Russia Scientific and practical conference devoted to the 30th-anniversary since the Republic of Altai Education and the 265th-anniversary of voluntary joining of Altai people to the Russian State (Gorno-Altai, 15–16 July, 2021). Editorial staff: N. V. Ekeev et al. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Altai Research Institute, 2021, pp. 535–541. (In Rus.)
8. Nyamdorj R. Improving the system of organizing Mongolian wrestling competitions on the basis of innovative approaches. D. thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2015, 166 p. (In Rus.)
9. Aranchyn Yu. L. Heroic way of the Tuvinian. Kyzyl, Journalist Publ., 2011, 208 p. (In Tuvan)
10. Darja V. K. Secrets of worldview of Tuvinians-Nomads. Kyzyl, Pravnik Publ., 2016, 255 p. (In Rus.)
11. Neklyudov S. Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic. Moscow, Indrik Publ., 2019, 590 p. (In Rus.)
12. Tuvan heroic tales. Compiled by S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, 584 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 12). (In Tuvan and Rus.)
13. Boktu-Kirish, Bora-Shelei. In: Aldai-Buuchu. Compiled by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1993, pp. 127–217. (In Tuvan)
14. Dongak U. A. Genre varieties of songs of the Tsengel Tuvans. In: Tsengel Tuvans. Folklore and literature. Responsible editor U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka Publ., 2020, 152 p. (In Rus.)